

«ПРОСТИТЕ НАМ НАШЕ СЧАСТЬЕ»

«Раковая опухоль» в «Идиоте»

Независимая газ. — 1995. — 5 окт. — 27.

Ольга Спиридонова

Рефлексия

РЕШЕНИЕ Сергея Женовача дать одну из центральных ролей в «Рыцаре бедном» (второй части трилогии по «Идиоту» Достоевского) **Евгению Калинин** (р.1965) было одновременно и неожиданным, и закономерным.

Ипполита традиционно относят к тем персонажам фона, которыми легко жертвуют инсценировщики. В спектакле на Малой Бронной Ипполит стал ключевой фигурой. Евгений Калинин играет человека, стоящего на границе небытия, раздавленного неизбежностью гибели, но и освобожденного этой неизбежностью. Ипполит заговаривает о вещах, о которых говорить не принято. Он исповедуется, выворачивая наизнанку самые сокровенные тайны. Он неслыханно подставляется в своей распахнутости, делая окружающих соучастниками работы мысли и сердечной боли.

И так же подставляясь, с бестрашной открытостью играет эту роль Евгений Калинин. Сорокаминутная исповедь Ипполита — может быть, самый близкий духу романа Достоевского момент спектакля. Этот вкус «судьбы и крови» немедленно и безошибочно почувствовала публика. Уже появились зрители, идущие в театр «на Калинцева — Ипполита».

САМА ИДЕЯ постановки такого колоссала, как «Идиот» Достоевского, с сохранением всех возможных сюжетных линий, выглядела несколько устрашающе — 32 персонажа, массивные декорации... Ни на гастроли вывезти, ни на фестиваль приехать.

— Это давняя идея Сергея Женовача — прочитать «Идиота», следуя логике романских средств театра. Конечно, когда Женовач пришел и в три дня на трушке прочитал инсценировку — был ужас. Такого в театре просто не было. По крайней мере, я не помню таких массивов текста, как у Сергея Тарамаева, как у меня в этом спектакле. Сорокаминутные монологи... Самая простая задача — как удержать зрительское внимание?! Существует определенный штамп «театрального Достоевского», под который всегда и кроились инсценировки. Но у Женовача есть особое умение (по-моему, неосознанное): войдя в мир автора, открыть его принципиально заново. В каждой работе ним я сталкивался с новой идеей, которая что-то меняла в моем мировосприятии.

Каждый его спектакль открывает новый этап моей жизни. Не могу сказать, что становлюсь лучше. Но я стал другим. Это точно. Мы очень вечно репетируем. Бесконечно пьем чай. Иногда выпиваем его столько, что уже и не репетируем, но, правда, редко. Все завалено заваркой, сушками, пряниками... Все идет еще из ГИТИСа. Подходы к любой работе — они теплые, компанейские. Результаты налицо.

Я тут недавно пересмотрел

«Идиота» Пырьева и понял, что, наверное, фильм по-своему замечательный (я помню реакцию на него моих родителей), но для меня он абсолютно неприемлем. Вижу, что по-живому вырезаются куски и все омертвляется.

Достоевский, как я себе представляю, писал все «на ногах», надиктовывал. Те, кто слышал его чтение, говорят, что это был великий актер. В его романах железная логика проживания, и когда выбрасываются звенья — все рушится. Конечно, «чистка» сюжетных линий от излишних подробностей, купюры кажутся театрально необходимыми. Но парадокс в том, что именно средствами театра можно прочитать роман без купюр. Более того, это потребность сегодняш-

Евгений Калинин.

Фото Людмилы Шкалевич

него дня. Все эти детали можно сыграть, прожить.

— Это удастся в Ипполите?

— Известна мысль Станиславского, что роль только начинается рождаться на премьере. Я на себе это чувствую. Нечто главное сыграно. Это я знаю и кокетничать не буду. Но сама роль только-только появляется. И вся основная актерская работа сложится на двадцатом, тридцатом, сороковом спектаклях...

— То есть зря мы спешили на премьеру? И ты, и твои партнеры разыграются где-то к зиме?

— Ну это шутка. Но вообще мне бы хотелось сказать о своих партнерах. Это мои друзья и замечательные актеры. Прежде всего Сергей Тарамаев — актер редкого дара, естественности, обаяния. Если бы я каждый раз не смотрел, как он играет Мышкина, я бы Ипполита не сыграл. Это честно. На площадке иногда даже забываешь, что он актер, ощущаешь свет, который есть в самом Сергее и в его князе Мышкине. По-моему, колоссальной победой стала роль Лебедева у Володи Топцова. Это Лебедев из Достоевского. Возьми любую роль! Вот Надя Маркина — генеральша Епанчина. Это ведь один из самых мощных образов в романе. Да и вообще трудно найти в русской литературе образ такого масштаба, даже у Толстого. Очень яркая работа — Ганя Иволгин у Сергея Герельгина. Я вдруг увидел его страстную погруженность в эту жизнь. Понял и его смятение, и невозможность происходящим.

— Ты довольно восторженно относишься к своим партнерам.

— А как же иначе? Михаил Чехов писал, что не мог хорошо играть, если не чувствовал люб-

ви к зрительному залу. А уж партнеров надо любить, до восторга, до бреда... Когда я посмотрел «Бесстыжую», все эти герои стали для меня абсолютно объемными. Я вошел уже в обжитое пространство. Мне надо было только попасть в тон.

— И попасть в тон помогли партнеры и режиссер?

— Конечно. Но также и художник, Юрий Гальперин. Когда я увидел макет спектакля, я ахнул. Соборный город. К сожалению, не все удалось воплотить. Но, по-моему, главное осталось. Да и композитор Глеб Серафимович Сидельников. Он не только написал музыку к трем спектаклям, но поднял из небытия ту музыкальную среду, которая окружала Достоевского. Поначалу обилие музыки чуть настораживало. Казалось, что это какой-то музыкальный театр. Однако музыка оказалась не просто прекрасной сама по себе, но тесно связанной с происходящим.

— Вернемся к твоему герою — к терзающемуся, недоброму, слышащему «зов темной бездны», мучающемуся над неразрешимой загадкой смерти.

— Глеб Серафимович как-то сказал, что для него тема Ипполита в «Идиоте» — нечто вроде раковой опухоли в романе. Ну а опухоль, как известно, хранит нас Боже, развивается по своим собственным законам. Но это взгляд со стороны. Филология. Мне так мыслить не след. Я актер, для меня такая оценочная плоскость смысла не имеет. Добрый Ипполит или не добрый? Давайте по-простому. Мне сейчас почти тридцать лет. Этому мальчику восемнадцать. Он болен туберкулезом. Он знает, что скоро умрет. Мы можем говорить о христианской идее добра. О том, что человек должен пройти все эти муки, должен прийти к смирению, преодолению, любви. Как говорит Мышкин: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье». На что Ипполит отвечает: «Однако ж вы — красноречивые люди».

Конечно, идеи Ипполита — смутные. Он додумывается до страшных, нехристианских мыслей, мыслей богоборческих, которые развивал потом Ницше. Но это не значит, что он живет только этим. Вообще как можно исчерпать человека одним определением? Например, в спектакле есть сцена, где Ипполит поет смешную величальную песенку князю. Я спросил: ну как же больной, умирающий мальчик вдруг будет петь? И тогда Сережа Тарамаев мне ответил: «Бери гитару. Человек непредсказуем». И это так. Он знает, что умирает, но он поет и дурачится.

Вот Ипполит задумался: а почему бы мне не убить десять человек? Просто так. Из шутки. А через секунду ему уже стыдно за то, что он высказал. Он мучается этими мыслями. Он похож на забитую собачонку, которая кидается ко всем. А что ей еще остается? Ему (как всем героям Достоевского) дано чувство прекрасного. И как ужасен этот контраст между тем, что происходит с людьми, и красотой мира вокруг. Павловск — прекрасное место. Деревья, их листья, красавица Аглая... Он ощущает свою причастность к миру жи-

вых и свою отдельность...

— Отдельность от остальных людей или отпадение от Бога? Для тебя главное в Ипполите — тема умирания?

— Через Ипполита в роман входит тема «бедных людей». Женовач говорил на репетициях: если ты не пожалеешь этих людей, не поймешь их, не положишь — истории Ипполита не будет. Это надо очень прожить. И это для меня сегодня — главное: тема бедных людей, обиженных, униженных, оскорбленных... Мы их все видим. Мы к ним привыкли. Это страшно — привычка ко всему. Хемингуэй, кажется, писал о военной сводке: жертв нет, убит один человек. А если это ваш сын? И если эта тема выходит во втором спектакле на первый план — для меня это дорогого стоит, то, что я, в силу своих способностей, могу говорить на эту тему. Говорить с пафосом — не услышат. Если говорить об Ипполите, надо говорить о теме боли, о доведенности этой болью, о невозможности от нее избавиться, преодолеть. Мышкин видит в этой истории отголосок своей, и потому так потрясается ею.

— По замечанию филолога Кирилла Рогова, первая часть вашей трилогии — история человека (Мышкина), чье присутствие делало окружающих лучше...

— Конечно, они становятся лучше, но они еще и раскрываются. Сам Мышкин также меняется от каждого встреченного им. Недаром он повторяет слова Ипполита о выкидыше из мира. Эта тема выкидыша — тема Мышкина и Ипполита, странно сближающая эти фигуры. Только Мышкин думает обо всех. А Ипполит — прежде всего о себе. Страх этого юноши ведь даже не перед обреченностью, но перед бессмысленностью этой жизни. Однако это уже рефлексия. Я почему еще удивляюсь Женовачу, что ему дана счастливая способность ко всему подходить просто. Как говорил один из наших проповедников: «Не мудростью мудрых, но юродством проповедей». Работая с ним, я четко понял, что не надо заниматься своими концепциями и идеями. Тебе дано произведение автора — попробуй в нем в меру способностей разобраться, а собственная индивидуальность проявится сама, о ней не надо беспокоиться.

— Говорили, что ты играл премьеру больным. С воспалением среднего уха, ничего не слыша, и с температурой под сорок.

— Артисты вообще любят заболеть перед премьерой. А тут я как-то понял Ипполита. Он все говорит: меня Боткин смотрел. Мне жить осталось три недели. Врет, конечно. Не смотрел его Боткин. Так, погордиться хочется. Но перед премьерой было ощущение, что и мне осталось не больше. Наш завлит Алексей Зверев, услышав, как кто-то называл меня глухим Бетховеном, тут же предложил сделать Ван Гога. А я вспомнил, как Довлатов писал о Бетховене: когда ему перестал мешать шум, он стал создавать настоящую музыку. Ну вот, когда реплики партнеров перестали мешать, все и пошло. Ну это шутка, конечно...